

RU

Ландшафт как Другой в постколониальной научной фантастике

Хорошевская Ю. П.

Аннотация. С помощью ландшафта и его дезориентирующих свойств в научно-фантастических текстах становится особенно очевидным взаимодействие героя с окружающей средой в процессе формирования идентичности. Ландшафт, выступая в роли чужого, может либо усилить идентичность тех, кто в нем находится, либо, что чаще всего, оттолкнуть их и спровоцировать кризис или полную утрату идентичности персонажами. Поэтому цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить особенности репрезентации ландшафта как одной из форм воплощения Другого в постколониальной научной фантастике и его влияния на идентичность персонажей. Постколониальная фантастика – явление весьма интересное, и его исследование в зарубежном и отечественном литературоведении представлено фрагментарно. Научная новизна настоящей работы состоит в том, что рассматриваемые произведения впервые становятся объектом изучения в отечественном литературоведении. В отечественный литературоведческий дискурс вводится понятие постколониальной научной фантастики, а научно-фантастический ландшафт рассматривается в контексте постколониальной концепции. В результате исследования установлено, что постколониальная фантастика уделяет большое внимание травме перемещения, поскольку окружающая среда играет существенную роль в формировании личности, а смена окружения (непривычный ландшафт, культура, социальное устройство, язык), особенно резкая, приводит к дезориентации персонажей и даже утрате ими собственной идентичности.

EN

Landscape as the Other in postcolonial science fiction

Y. P. Khoroshevskaya

Abstract. Through the use of landscape and its disorienting properties in science fiction texts, the interaction of the hero with the environment in the process of identity formation becomes especially evident. The landscape, acting as a stranger, can either strengthen the identity of those who are in it, or, more often, alienate them and provoke a crisis or complete loss of identity for the characters. Therefore, the aim of this study is to identify the features of the representation of landscape as one of the forms of embodiment of the Other in postcolonial science fiction, and its influence on the identity of the characters. Postcolonial science fiction is a very interesting phenomenon, and its study in foreign and Russian literary studies is presented fragmentarily. The scientific novelty of this study lies in the fact that the works under consideration are becoming the object of study in Russian literary criticism for the first time. The concept of postcolonial science fiction is introduced into the Russian literary discourse, and the science fiction landscape is examined in the context of the postcolonial concept. As a result, it was found that postcolonial science fiction pays great attention to the trauma of displacement, since the environment plays a significant role in the formation of personality, and a change in environment (unusual landscape, culture, social structure, language), especially abrupt, leads to disorientation of the characters and even loss of their own identity.

Введение

Постколониальная фантастика – это, преимущественно, тип фантастики, созданный авторами из бывших колоний или эмигрантами из так называемых стран «третьего» мира. Следовательно, тексты, которые считаются постколониальными по своему характеру, как правило, написаны с западной, неевропоцентричной точки зрения. Постколониальная литература затрагивает вопросы деколонизации, (ре)формирования идентичности (как на личном, так и на национальном уровне), гибридности, мимикрии, лиминальности и ряд других вопросов, связанных со взаимодействием между западной культурой и традиционными сообществами.

Научная фантастика (НФ) характеризуется набором некоторых очевидных элементов, которые узнаются большинством людей: технологические чудеса, встреча с инопланетянами, искусственный интеллект,

киборгизация человечества, постапокалиптическое или, наоборот, утопическое будущее. Помимо этого, в исследовательской среде широко распространено также мнение о том, что НФ – это форма современного мифа, нарратив о будущем, отражающий нынешние опасения. Однако же большинство исследователей (Suvin, 1979; Rieder, 2010; Головачева, 2013) считают, что сущностной характеристикой жанра являются экстраполяция, когнитивное остранение и обязательное присутствие в тексте «новума» (т. е. новшества).

Постколониальная НФ переосмысливает традиционный жанровый канон, меняя, прежде всего, точку зрения повествователя со «своего» на Другого. Другой дает постколониальным авторам возможность исследовать проблемы культурного и физиологического различия, гибридности и инаковости. Акцентирование внимания на ландшафте как одной из форм воплощения Другого в художественном тексте представляется актуальным, поскольку мы можем акцентировать внимание на том, какое влияние ландшафт оказывает на идентичность персонажа, как он воспринимается периферийными другими, отметить способы переосмысления ими пространства в поисках новых возможностей, выходящих за рамки доминирующей точки зрения.

Соответственно, задачи исследования состоят в том, чтобы, во-первых, отметить особенности позиции нарратора и точки зрения в постколониальной научной фантастике; во-вторых, обозначить способы и формы очужествления ландшафта, характерные для постколониальной НФ; в-третьих, отметить важность ландшафта для формирования идентичности персонажа и роль травмы перемещения, приводящей к ее утрате.

Ключевыми методами исследования стали метод сравнительного анализа, с помощью которого отмечают способы очужествления ландшафта и его влияния на персонажей в рассматриваемых текстах; типологический метод, позволяющий выявить общность восприятия ландшафта как Другого у авторов, принадлежащих различным культурам; а также опора на постколониальный дискурс, охватывающий проблемы гибридности, трансгрессии и пространства.

Материалом для исследования стали произведения ряда авторов, чье творчество относится к постколониальной фантастике: «Полуночный грабитель» Н. Хопкинсон (Midnight Robber, 2000), «Беженцы» С. Эмберстун (Refugees, 2004), «Дели» В. Сингх (Delhi, 2004), «Ниневия» Г. Поуз-Иннес (Nineveh, 2011), «Сестра-сестра» Р. Цадок (Sister-Sister, 2013).

• Amberstone C. Refugees // So Long Been Dreaming: Postcolonial Science Fiction & Fantasy / compiled by N. Hopkinson, U. Mehan. Vancouver: Arsenal Pulp Press, 2004.

• Hopkinson N. Midnight Robber. N. Y.: Warner, 2000.

• Rose-Innes H. Nineveh. Cape Town: Umuzi, 2011.

• Singh V. Delhi // So Long Been Dreaming: Postcolonial Science Fiction & Fantasy / compiled by N. Hopkinson, U. Mehan. Vancouver: Arsenal Pulp Press, 2004.

• Zadok R. Sister-Sister. Cape Town: Kwela, 2013.

Теоретической базой исследования являются фундаментальные труды по постколониальной критике, в том числе применительно к научной фантастике. Так, Б. Эшкрофт подробно разбирает понимание пространства в колониальном и постколониальном дискурсах, особое внимание уделяя практике конструирования места и переименования (Ashcroft, Griffiths, Tiffin, 1989). Дж. Ридер (Rieder, 2008; 2010) и Дж. Лангер (Langer, 2011) в своих работах рассматривают важность Другого в научной фантастике, равно как и смену позиции наблюдателя в постколониальной НФ. М. Канделария предлагает концепцию фантастического хронотопа как асинхронного пространства-времени (Candelaria, 2009). С. П. Толкачев (2015; 2020; 2022; 2024) в своих работах обращается к современному англоязычному постколониальному роману, рассматривая проявления гибридности и воплощения пространственных категорий в текстах писателей-эмигрантов. Теория фантастического, в том числе формы воплощения Другого в тексте, разрабатываются в исследованиях отечественных и зарубежных фантастоведов (Suvin, 1979; Csicsery-Ronay, 2007; Лахманн, 2009; Головачева, 2013). Фундаментальное исследование С. Баннерджи посвящено развивающейся индийской научной фантастике (Banerjee, 2020), а негаснущий интерес представителей феминистской критики направлен на произведения писательниц так называемого афрофутуризма (Westby-Nunn, 2021).

Практическая значимость статьи определяется возможностью использования материалов исследования в практике преподавания зарубежной литературы, а также при разработке и чтении спецкурсов, посвященных фантастике и постколониальной литературе.

Обсуждение и результаты

Важную роль в фантастическом дискурсе играют альтернативные доминирующей культуре варианты пограничного, забытого, чужого. Чужим в данном случае является «оборотная сторона культуры» (Лахманн, 2009, с. 7), но, угрожая «своему», «чужое» представляет своеобразную альтернативу известному, моделируя иную реальность, либо предлагая иной взгляд на привычное. В западной научной фантастике, например, точка зрения (точнее, позиция наблюдателя) позволяет автору как пересмотреть имперские тенденции своей собственной культуры или насладиться ее превосходством, так и изучить культуру колонизированных народов, равно как и результаты всех этих контактов. В постколониальной НФ точка зрения сама по себе становится инструментом, поскольку все западное общество является объектом пристального наблюдения Другого.

Хотя концепция о позиции наблюдателя довольно сложна и разнообразна, больший интерес для настоящего исследования представляет идея о том, что человек теряет некоторую автономию, как только становится

объектом наблюдения. Тот же Джон Ридер (Rieder, 2008) рассуждает на тему важности встречи с Другим для западной НФ, приводя в качестве примера существовавший уже в протофантастике импульс «переворачивать вещи с ног на голову и наизнанку». Это искажение перспективы в текстах позволяло читателю взглянуть на объективную реальность с уникальной точки зрения. Когда же знания о мире расширились до такой степени, что странные существа и локации из приключенческих романов перестали выглядеть правдоподобными, авторы нашли новые способы исследовать экзотику и использовать эти сведения для создания своих собственных концепций мира и шкалы ценностей. Научная фантастика как раз и стала одним из способов репрезентации и отражения этой озабоченности экзотикой как формы Другого, что также позволило спекулятивно исследовать результаты/последствия односторонних столкновений с этой экзотикой и, в зависимости от автора, рассматривать эти результаты либо с точки зрения завоевателя, либо с точки зрения побежденного. И, наоборот, постколониальная НФ в некотором роде обратила вспять это чувство превосходства, позволив авторам исследовать новые грани отношений «колонизатор/колонируемый». Само акцентирование внимания на точке зрения повествователя допускает двустороннее взаимодействие между совершенно разными культурами в обоих вариантах научной фантастики, поскольку каждый текст выражает взаимодействие между субъектом и объектом (Langer, 2011).

Встреча с Другим, независимо от того, какую форму она принимает: инопланетян, технологий или экзотического ландшафта, – является характерным элементом как для классической (западной), так и для постколониальной фантастики, что, в свою очередь, может использоваться в качестве метода исследования форм Другого в постколониальных текстах. Возможно, столкновение с иным является одним из самых известных и распространенных приемов, который авторы фантастических текстов используют для развития повествования. Другой – это одновременно нечто трансцендентное и конкретный материальный объект/субъект, выходящий из тьмы, относящийся к областям Хаоса (Csicsery-Ronay, 2007). Способность НФ спекулировать на теме различий позволяет ей, с одной стороны, схематизировать их, а с другой – преувеличивать, чтобы экстраполировать последствия их существования.

Концепция инаковости используется для описания встречи с неизвестным, выражения его отличия от «своего». Окружающая среда довольно часто выступает в роли Другого, поскольку события подавляющего большинства текстов разворачиваются либо в инопланетном сеттинге, либо в условиях сильно измененной Земли будущего. Изменение локации может спровоцировать у персонажей размышления о поиске своего места в окружающем мире. С помощью ландшафта и его дезориентирующих свойств в научно-фантастических текстах становится особенно очевидным взаимодействие героя с окружающей средой в процессе формирования идентичности.

Очужествление ландшафта (равно как и природы в целом) происходит за счет формирования дистанции между человеком и окружающей средой. Это может реализовываться, например, по схеме хозяин/собственность, где природе отводится роль подчиненного, а ее цель заключается в служении человеку и удовлетворении его потребностей. Другой вариант – это взаимоотношение высшего/низшего. В этом понимании природа является чем-то неполноценным, неструктурированным, неразвитым по сравнению с человеком и его рационально устроенной искусственной средой.

В постколониальных текстах ландшафт, чаще всего, воспринимается не столько как географическое понятие, но, скорее даже, как политическое и культурное. Такая точка зрения напрямую связана с идеями дома, места и своего/чужого пространства, определяя ландшафт как совокупность географических, культурных, исторических, религиозных особенностей, связывающих человека с конкретным пространством. Считается, что у народов, поколениями живущих на одном месте, возникает «связь» с территорией, подкрепляемая практикой называния места и, соответственно, эффектом узнавания. Здесь становится важным не просто присутствие человека на конкретной территории, но именно его взаимоотношение с этим местом и возможность узнавать и называть все детали ландшафта привычными категориями.

Колониальная история изобилует примерами присвоения новых названий завоеванным территориям. Давая свои имена чужим (природным и географическим) объектам, колонизатор как бы закрепляет свою власть над ландшафтом. Глубинной, почти сакральной целью такого переименования является «одомашнивание» чужого пространства. Непривычный ландшафт становится для колонизатора понятным и почти родным, а для коренного населения, наоборот, из своего превращается в чужой, поскольку привычные для них объекты теперь носят другие наименования. Практика называния, присвоения имени восходит к архаическому восприятию пространства, когда герою или первоначально достаточно было дать имя любому объекту окружающей среды, чтобы из неизвестного и бесформенного он стал понятным, структурированным и обрел конкретный, узнаваемый, полезный или бесполезный набор признаков и характеристик. Эшкрофт, например, утверждает, что практика переименования мест колонизаторами основывалась на восприятии ими новых ландшафтов как «пустых пространств» (Ashcroft, Griffiths, Tiffin, 1989, p. 153), то есть неогороженных пространств – в том понимании, что изгородь является маркером собственности. Здесь знаком собственности, «одомашнивания» чужого пространства становится не только его огораживание, но именно переименование. Назвать объект, говорит Эшкрофт, значит, понять его, познать и обрести над ним контроль. Называть реальность – значит, обрести над ней власть просто потому, что доминирующий язык становится способом, которым ее познают (Ashcroft, Griffiths, Tiffin, 1989, p. 55). Переименование европейцами земель коренного населения не только стирало традиционную культуру, но также и разрывало связь между аборигенами и их родной территорией. Привычный ландшафт становился для них чуждым и чужим.

Одним из способов очужествления ландшафта может стать и опыт трансгрессии, как насильственной, так и добровольной. Причем, здесь мы говорим не только о буквальном физическом перемещении в пространстве, но и о возникновении у героев ощущения, что они находятся «не на своем месте» в культурном или социальном плане. Во втором случае наблюдается кризис идентичности, и персонаж пытается восстановить, либо же заново сформировать ценностные и идентифицирующие отношения между местом и собой. Вынужденная трансгрессия может быть связана с изменением и самой среды обитания (экологическая катастрофа или кризис иного рода), которая становится враждебной для населяющих ее существ. Постколониальная литература уделяет большое внимание травме перемещения, поскольку окружающая среда играет существенную роль в формировании личности, а смена окружения (непривычный ландшафт, культура, социальное устройство, язык), особенно резкая, приводит к дезориентации персонажей.

«Конструирование места», о котором говорит Эшкрофт, связано с возможностью называть окружающие вещи привычными именами, а потеря этой способности приводит к очужествлению пространства и потере идентичности из-за невозможности ассоциировать себя с местом обитания. Поэтому для перемещенных индивидов ландшафт (даже очень похожий) становится чуждым и чужим. Фактически диссонанс, который формируется между практикой узнавания места и языком, доступным для его описания, представляет собой сущностную черту постколониальных текстов. Кризис же идентичности возникает у тех, чей язык становится неподходящим для описания нового места обитания, ведь называя что-то, человек чувствует связь с этим объектом.

Характерные особенности пространства: ландшафт, флора и фауна, смена сезонов, климатические условия, – возможно, самый важный элемент, который следует учитывать применительно к постколониальной научной фантастике, потому что в этих текстах пейзажи часто настолько экзотичны и настолько заметны, что сами по себе формируют характеры. И этот «характер» пространства часто является драматическим представлением двойственности, подчеркивая обычно огромные различия между привычной традиционной обстановкой персонажей и обстановкой, в которой они часто вынуждены находиться.

Для тех, кто перемещается в другое пространство добровольно, опыт дезориентации может быть поучительным, позволяя им лучше осознавать альтернативные культуры, но, как правило, в то же время безвозвратно меняет их. Часто в этом взаимодействии один на один между человеком и ландшафтом, сопоставляя «свое» и «чужое» пространства, персонажи утрачивают способность выбирать между этими альтернативами.

Так, в романе Нало Хопкинсон «Полуночный грабитель» (2000) девочка Тан-Тан трижды переживает опыт изгнания и отчуждения. Сначала ее лишают дома на планете Туссен в связи с человечеством. Вместе с отцом, совершившим преступление, она вынужденно переселяется на Новое Дерево На Полпути (New Half-Way Tree). New Half-Way Tree – «планета заблудших людей», куда сослали нарушивших закон жителей Туссена, лишая их всех благ техногенной цивилизации. Быть высланным с Туссена – значит быть клейменным как не-человек. Новое Дерево На Полпути – это замкнутое пространство, откуда нет возвращения. Когда Тан-Тан прибывает туда вместе с отцом, ей все кажется неправильным: «...воздух был слишком холодным, и от него исходил странный запах, похожий на старые кости. Свет, проникающий сквозь деревья, был красным, а не желтым. Даже деревья выглядели не так. <...> Это был не ее дом. Это уродливое место не могло быть ничьим домом» (Hopkinson, 2000, p. 76) (здесь и далее перевод с англ. художественных текстов автора статьи. – Ю. Х.). В этот момент Тан-Тан осознает, что ее прежнее представление о «доме» больше не существует, и ей придется создавать его заново.

Природа на Туссене была заменена органическим веществом, наполненным наномитами Granny Nanny – всемогущего ИИ, управляющего жизнью на планете. И здесь автор как бы противопоставляет искусственный сад Туссена неукротимой, неконтролируемой природе Нового Дерева На Полпути, изображая две планеты, являющиеся одновременно прошлым и будущим друг друга, существующие параллельно в одних и тех же пространстве и времени, только разделенные завесой измерения. Эта метафора ясно показывает, что прошлое на самом деле никогда не уходит, а постоянно оказывает влияние на настоящее, а значит, и на будущее.

В рассказе Селу Эмберстоун «Беженцы» (2004), также затрагивается проблема трансгрессии как травмирующего фактора насильного изменения привычного ландшафта. Текст рассказывает о переселенцах на весьма удаленную от Земли планету. Само расстояние уже подавляет персонажей, и они осознают, что им придется покинуть знакомое окружение, которое позволяет сохранять свою нынешнюю идентичность. В попытках сохранить эту идентичность, герои вынуждены бороться с самой планетой.

Эмберстоун изображает в рассказе не процесс или последствия изменения человеком природы, но, наоборот, влияние места на идентичность человека. Ландшафт забирает у героев индивидуальность, ощущение уникальности, более того, он буквально поглощает и отнимает их прежнюю человеческую сущность. Неспособность беженцев принять другие условия обитания, в конечном счете, приводит их к гибели.

Персонажи в постколониальной литературе в основном ощущают себя неотъемлемой частью территории обитания. Но весьма важным аспектом, несомненно, является то, с какой точки зрения сам автор рассматривает ландшафт. Так, например, урбанистический пейзаж становится чуждым и иным для протагониста в рассказе Ванданы Сингх «Дели» (2004). Взяв в качестве основы идею путешествия во времени, автор исследует метаморфозы города, который отражает путь человечества, с его прерывистой сменой народов, обществ и культур. Текст фокусируется на главном герое Асима, который обладает способностью путешествовать сквозь времена и пространства. Он видит «линию горизонта, усеянную дворцами и шпилями храмов, лес посреди оживленной улицы – и, что самое странное, однажды множество высоких, украшенных драгоценностями башен, уходящих в облака» (Singh, 2004, p. 82). Эти пейзажи сбивают его с толку и пугают. Изначально знакомый, привычный и понятный город становится для Асима чужим и чуждым палимпсестом, перенесенным через тысячи лет перемен и истории. Способность героя взаимодействовать с различными историческими

эпохами приводит его к мысли, что Дели его настоящего состоит из множества слоев, каждый из которых несет на себе следы других эпох. Этот город на самом деле всего лишь иллюзия и, подобно призракам прошлого и будущего, со временем тоже быстро исчезнет и изменится.

Если прежде Асим воспринимал город, многовековую культуру Индии и самого себя как единое целое, то сейчас он чувствует, что теряет эту связь. Постоянное изменение ландшафта вводит его в сильнейшее замешательство, и Асиму начинает казаться, что он сам постоянно меняется и в итоге теряет устойчивую идентичность. Чрезмерная изменчивость города ошеломляет героя, и он решает вернуться к природе, поэтому ищет убежище в лесу вокруг города, откуда он может созерцать реликвии прошлого и медитировать на ощущение будущего.

Здесь природа не только противопоставляется урбанистической среде по принципу «город/лес», но еще и по принципу «живое/неживое». Автор говорит о «зеленых легких», «теплом зеленом чреве» в противовес городу будущего с его хроматической чистотой, «высокими шпилями, достигающими облаков», цементным полом платформы метро. Утопическое будущее, которое видит Асим, поначалу кажется ему логичными, но в то же время и чем-то неправильным, а затем и вовсе превращается в кошмар утраченной культурной идентичности и уникальности. Растворяясь в своей способности видеть разные временные пласты, герой начинает терять самого себя из-за невозможности сфокусировать взгляд на чем-то неизменном и стабильном.

Похожую идею «очужествления» знакомого пространства под воздействием каких-либо внешних факторов находим в романе Генриетты Роуз-Иннес «Ниневия» (2011). Здесь мы видим Кейптаун, захваченный роем насекомых, чьи полчища сеют хаос в роскошных кварталах города. Главная героиня – биолог, пытается решить проблему с насекомыми, попутно исследуя как наземную часть Кейптауна, так и его подземелья. В итоге она преобразуется, заново открывая многочисленные районы города, отражающие его вековую историю: «Пляж – общественное место, относительно безопасное, как и обнесенный стеной комплекс позади нее»; «участок земли, лежащий между ними. На нем никакого мусора или других признаков человеческого жилья, никаких зарослей инопланетного плетня»; Шестой Район, «живой, а затем лежащий в руинах», унылый, пустой «Викторианский Кейптаун», Кейптаун 1950-х годов, с «улицами, полностью населенными белыми людьми, за исключением живописных продавцов цветов», и современный город, который сохранил «так мало от первоначального Кейптауна» (Rose-Innes, 2011, p. 96).

Героиня как будто пытается «прочитать ландшафт», понять его истинную составляющую. В итоге, исследовав подземелья, населенные насекомыми, она представляет себя жуком, пытаясь увидеть мир «глазами вредителя», и приходит к выводу, что насекомые – это не чума, а законные обитатели древней территории, на которой люди однажды возвели свой город. И этот город, созданный несколькими поколениями предыдущих жителей, в итоге становится своего рода тюрьмой для всех человеческих обитателей. Сначала людям кажется, будто они – полноправные хозяева территории, завоевавшие это место, и возведенный город станет для них легким источником убежища и еды. Однако со временем ландшафт снова изменяется, и уже город оказывается заново поглощен окружающей средой.

В романе Рэйчел Цадок «Сестра-сестра» (2013) действие тоже разворачивается в альтернативной Южной Африке, где на фоне деградации окружающей среды пролегает бесконечное шоссе – Кольцевая дорога, ставшая практически ловушкой для живущих вдоль нее людей. Засуха и опустынивание земель кардинально изменяют ландшафт, из-за чего он перестает быть узнаваемым, из категории знакомых переходит в разряд чужих, непонятных и враждебных: «С каждым уходящим сезоном, кружа по этой дороге, я чувствую, как она высасывает наши соки. Мы запекаемся, затвердеваем, как смола. Летом жара терзает нашу плоть, забирая пот, кровь и слезы, зимой холод сушит наши кости» (Zadok, 2013, p. 40).

Постепенно описываемый в романе ландшафт приобретает более зловещие оттенки, становясь некой Иной сущностью, способной поглотить хрупкую человеческую идентичность настолько полно, будто ее никогда и не было. Окружающая среда отнимает у человека индивидуальность, чувство уникальности, и даже само ощущение безопасности. Персонажи в буквальном смысле становятся частью ландшафта, полностью в нем растворяясь. Среда завладевает ими как физически, так и психологически, оставляя ничтожно мало возможностей для самоопределения. Город в романе является лиминальным пространством, в котором перетекают друг в друга материальное и нематериальное, постепенно стирая какое-либо различие между тем, что реально, миметично или надежно, а что магически, метафорично или вымышлено.

На основе всего сказанного можем сделать вывод, что постколониальная научная фантастика показывает, какое влияние ландшафт оказывает на идентичность персонажа, как он воспринимается периферийными другими – его сегрегация, трансгрессия, изменчивость, – и размышляет о том, какими способами можно переосмыслить пространство, чтобы предложить новые возможности, выходящие за рамки доминирующей точки зрения.

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Другой – это необходимая часть любого научно-фантастического текста, фактически центральный архетип, представляющий собой персонификацию неизвестного. В постколониальной НФ точка зрения смещается со «своего» на «чужого» с той целью, чтобы вся доминирующая культура стала объектом пристального наблюдения Другого.
2. Ландшафт, выступая в роли чужого, может либо усилить идентичность тех, кто в нем находится, либо, что чаще всего, оттолкнуть их и спровоцировать кризис или полную утрату идентичности персонажами. Очужествляя

окружающую среду, человек либо низводит ее в подчиненное положение, проводя четкую демаркационную линию между высшим и низшим; либо и вовсе маркирует ее как неизвестное, опасное, принадлежащее областям хаоса.

3. Постколониальная НФ ставит своей целью не просто предоставить право голоса Другому, но сочетать в одном тексте как можно большее число различных голосов и точек зрения. Одним из таких «голосов» выступает и ландшафт, трансформируясь из статичного фона для развития повествования в полноправного участника сюжетной коллизии.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в том, чтобы выявить общие принципы построения дихотомии «свой – чужой» и способы ее трансформации в постколониальной НФ, равно как и роль Другого в формировании лиминальных пространств и гибридной идентичности персонажей.

Источники | References

1. Головачева И. В. Размышления о теориях научной фантастики 2000-х годов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. Вып. 2.
2. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
3. Толкачев С. П. Джокер из колоды, или Магическая реальность карибской англоязычной литературы // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107).
4. Толкачев С. П. Об иммигрантах и «жидких» страхах: проблемы постколониальной научной фантастики // Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации: коллективная монография. Н. Новгород, 2020.
5. Толкачев С. П. Парадоксы постколониального пространства // Филология и культура. 2015. № 3 (41).
6. Толкачев С. П. «Хочу стать другим»: гибридность в постколониальной литературе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95).
7. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. N. Y.: Routledge, 1989.
8. Banerjee S. *Indian Science Fiction: Patterns, History and Hybridity*. Cardiff: University of Wales Press, 2020.
9. Candelaria M. *Reading Science Fiction with Postcolonial Theory* // *Reading Science Fiction* / ed. by J. Gunn, M. S. Barr, and M. Candelaria. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009.
10. Csicsery-Ronay Jr. I. Some Things We Know about Aliens // *The Yearbook of English Studies*. 2007. Vol. 37.2.
11. Langer J. *Postcolonialism and Science Fiction*. L.: Palgrave Macmillan, 2011.
12. Rieder J. *Colonialism and the Emergence of Science Fiction*. Middletown – Connecticut: Wesleyan University Press, 2008.
13. Rieder J. On Defining SF, or Not: Genre Theory, SF, and History // *Science Fiction Studies*. 2010. Vol. 37. Iss. 2.
14. Suvin D. *Metamorphoses of Science Fiction*. New Haven – L.: Yale University Press, 1979.
15. Westby-Nunn T. “The Road Never Ends”: Ecofeminism and Magical Realism in Rachel Zadok’s *Sister-Sister* // *Feminist Encounters: A Journal of Critical Studies in Culture and Politics*. 2021. Vol. 5 (1). No. 8.

Информация об авторах | Author information

Хорошевская Юлия Павловна¹, к. филол. н.

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения

Yuliya Pavlovna Khoroshevskaya¹, PhD

¹ Rostov State Transport University

¹ armaiti@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.10.2024; опубликовано online (published online): 21.11.2024.

Ключевые слова (keywords): постколониальная научная фантастика; архетип «Другой»; ландшафт в научной фантастике; Нало Хопкинсон; Вандана Сингх; postcolonial science fiction; archetype “Other”; landscape in science fiction; Nalo Hopkinson; Vandana Singh.